

УДК 81'38:81'42

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ ИНТЕРДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

Наталья Васильевна Данилевская
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. danil6@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о закономерностях развертывания научного текста; обосновывается его дискурсивный характер; динамика выражения в тексте нового научного знания представляется как интердискурс – диалог разных исследовательских позиций в широком социокультурном контексте.

Ключевые слова: дискурс; интердискурс; дискурсивный анализ; новое научное знание; динамика текста; экстралингвистические факторы познания; научный текст как интердискурс.

Научное познание, направленное на поиск и описание неизвестного знания, развивается, как это ни парадоксально, на основе постоянного возвращения в прошлое: всякий элемент нового знания окружен в научном тексте уже известным, т.е. старым знанием. Причем это «старое» ранее также прошло медленный и мучительный процесс исследовательского отбора ценных зерен из обширного поля известного знания. Иными словами, всякая точка вечной спирали познания схватывает в единое целое две картины мира – предшествующее (прежнее, старое) понимание какого-либо объекта действительности и его настоящее (новое) понимание. При этом новое понимание всегда устремлено в будущее, т.е. уже в момент зарождения потенциально «обречено» на отрицание в дальнейшем. Существенно, что эта динамика, точнее, диалектика научного познания находит отражение не только в рамках дискурса общечеловеческой цивилизации, но и в рамках конкретного научного текста как специфического материального носителя научного знания.

Речь идет о целом научном тексте как феномене, отражающем диалог разных картин мира, или, иначе, диалог разных культурных позиций, не совпадающих во времени и пространстве научных мнений. Текст как взаимодействие – совпадение или противоречие – разных идей и точек зрения, как переключки и переплетение разных культур осмысливается сегодня в лингвистике через понятие интердискурса.

Разработка проблем интертекстуальности в зарубежной семиотике во многом активизировала внимание и отечественных языковедов к аспектам межкультурного взаимодействия. Как известно, в русской лингвистике теория интертекстуальности ведет свое начало от работ М.М.Бахтина, который называл это явление «текстом в тексте» [Бахтин 1975, 1979]. Ученый, в частности, говорил об интертекстуальности как о внутритекстовом диалоге «своей» и «чужой» речи, осуществляемом с помощью цитат, аллюзий, реминисценций и т.п., связывающих в единое смысловое пространство тексты разных авторов и разных времен. Идеи М.М.Бахтина находят свое развитие в литературоведческом и социокультурном аспектах в работах Ю.М.Лотмана, в которых текст осмысливается как элемент культурного контекста. Ср.: «...для того чтобы стать “текстом”, графически закрепленный документ должен быть определен в его отношении к замыслу автора, эстетическим понятиям эпохи и другим, графически в тексте не отраженным величинам» [Лотман 1994: 203]. Или: «...текст вообще не существует сам по себе, он неизбежно включается в какой-либо (исторически реальный или условный) контекст. Текст существует как контрагент внетекстовых структурных элементов, связан с ними как два члена оппозиции» [Там же: 104]. Поэтому восприятие текста, «оторванного от его внешнего “фона”, невозможно. Даже в тех случаях, когда для нас такого фона не существует <... мы на самом деле антиисторично проектируем текст на фон наших современных представле-

ний, в отношении к которым текст становится произведением» [Там же: 213].

Подобное толкование интертекста составляет «широкую», или «радикальную», концепцию интертекстуальности как теорию безграничного текста, интертекстуального в каждом своем фрагменте. Между всеми созданными («чужими») и создаваемыми («своими») текстами существует общее интертекстуальное пространство (Кристева 1969), поэтому восприятие текста есть непрерывное чтение в бесконечном тексте (Барт 1989), которое осуществляется благодаря воспринимаящему сознанию читателя (Пфистер 1985) [анализ иностранной литературы по этому вопросу см.: Чернявская 2004].

При таком широком понимании интертекстуальности оказывается, видимо, невозможным анализ отношений разных смыслов в конкретном тексте, а лингвистика лишается своих исследовательских задач. В связи с этим немецкие ученые Р.Лахманн и К.Штирле предложили различать (1) диалогичность как всеобщее измерение текста и (2) диалогичность как особый способ построения смысла, как диалог своего и чужого мнения [Чернявская 2004: 31]. В результате сформировалась «узкая» модель интертекстуальности, в рамках которой об интертексте следует говорить тогда, когда мы имеем дело с намеренно обозначенными автором текста соотношениями своей и чужой смысловыми позициями. Собственно говоря, именно так и понимал М.М.Бахтин диалогичность художественного произведения. Именно так, в узком смысле, интерпретируется интертекстуальность в настоящей статье.

Осмысление феномена текста в интертекстуальном аспекте обеспечивает лингвистическим исследованиям несомненно бóльшую глубину и масштабность при определении не только структурно-смысловых, но и типологических особенностей текстов разных стилей [Кожина 1986, Караулов 1987, Фатеева 1998, Чернявская 1999 и др.]. Однако для нас важно то, что в теории интертекстуальности содержательно-структурные особенности текста соотносятся с широким за-текстовым фоном коммуникации, что сближает интертекстуальный и функционально-стилистический подходы к тексту.

Существенно также, что функционально-стилистическое понимание текста по многим параметрам коррелирует с понятием *дискурса*, прочно вошедшим в последние годы в область лингвистических и в целом гуманитарных размышлений. В связи с этим решение вопросов, так или иначе связанных с проблемой текстообразования, предполагает сегодня, как кажется, обращение к теории дискурса и дискурсивного

анализа. Это весьма актуально для исследований, посвященных изучению закономерностей текстообразования, и особенно – специфики выражения в научном тексте нового знания.

Не углубляясь в исторические корни теории дискурса, отметим, что само понятие *дискурс* стало реальностью современной науки во многом благодаря идеям В. фон Гумбольдта, затем – различению Ф. де Соссюра языка и речи, а также работам Э.Бенвениста и Л.Блумфильда, заявивших о важности в лингвистических исследованиях человеческого фактора и тем самым положившим начало смены структурной парадигмы языкознания на функциональную.

Основоположник современной западной школы дискурсивного анализа французский историк, социолог и языковед М.Фуко понимает под дискурсом общественно-исторически сложившиеся системы человеческого знания и практики. Дискурс – это «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко 1996: 29]. Следовательно, дискурсивный анализ, в понимании исследователя, основан на диахроническом и, что важно, динамическом подходе к языку, а главное, учитывает системный аспект его описания с выходом в проблему трансформации предшествующего знания. Отсюда ясно, что дискурсивный анализ теснейшим образом связан с экстралингвистическими факторами, их учетом и опорой на них. Ср.: «Описание дискурсивных событий ставит перед нами вопрос: почему такие-то высказывания возникают здесь, а не где-либо еще? <...> Как увидеть высказывание в узости и уникальности его употребления, как определить условия его существования <...> обозначить его границы связи с другими высказываниями <...> установить <...> особый вид существования, который раскрывается в сказанном и нигде более?» [Там же: 31].

Таким образом, взгляд на высказывание как на дискурс способствует воссозданию картины мира (исторической, политической, экономической, национальной и др.) носителей языка, реконструкции духа времени. По замечанию У.Мааса, дискурс выражает соответствующую языковую формацию «по отношению к социально и исторически определяемой общественной практике» [Цит. по: Чернявская 2001: 38].

Границы дискурса как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике не имеют четкого определения, поскольку он может пониматься – в зависимости от научной школы и исследователь-

ских задач – и как речь, и как текст, и как высказывание. Однако важно, что всякое обращение к дискурсивному анализу предполагает выход в широкую экстралингвистическую область, как-то: функционирование языковой системы, говорящий при порождении дискурса, психологические особенности интерпретации содержания высказывания, а также исторический, политический, культурный и др. контексты живого общения, поскольку дискурс – это не просто текст с определенной содержательно-вербальной структурой, а нечто большее, напоминающее «узор или ткань, сплетенные из отношений-нитей с чем-то внешним, лежащим за пределами текста» [Серио 1999: 37. Разрядка наша. – Н.Д.].

Все сказанное позволяет говорить о близости теории дискурса и функционально-стилистической концепции текста (хотя, безусловно, эти теории, сохраняя индивидуальные черты и методологические принципы, не совпадают полностью). По мнению М.Н.Кожинной, общими чертами этих научных направлений являются: 1) **предмет** исследования – речь в ее разновидностях; 2) **«общие параметральные признаки ключевого понятия** (дискурса и функционального стиля)», среди которых: а) *динамизм* – «процесс использования языка, когнитивно-речевая деятельность», б) *«детерминация* изучаемого объекта *экстралингвистическими факторами*», в) *«принцип системности* при использовании языковых средств», г) *историзм* как дискурса, так и функционального стиля, д) *«тексты... как результат речевой (дискурсивной) деятельности... и в то же время материал* исследования», е) *междисциплинарный метод* анализа», ж) *речеведческий подход* к интерпретации языковых явлений [Кожина 2004: 25-26, 30].

Таким образом, функционально-стилистическое понимание текста весьма близко представлениям о дискурсе. Это позволяет использовать термины *дискурс* и *текст* в качестве синонимичных при исследовании стилевой специфики научного текста, в частности закономерностей его образования в плане выражения в нем нового знания. Тем более что принципы представления нового знания в речевой ткани произведения не являются, как свидетельствует наш многолетний анализ, ни спонтанными, ни индивидуальными для каждого автора, а соответствуют сложившимся правилам мышления, рече- и текстопроизводства в данной сфере общения. Ср. в связи с этим понимание дискурса как «предзаданного текстовым типом способа мышления, как системы наиболее общих когнитивных прототипов, правил речевого поведения, создающих – выстраивающих – особую системность и упо-

рядоченность языковых единиц в текстовой ткани» [Чернявская 2004: 38].

В связи со сказанным (т.е. в аспекте функционально-стилистической интерпретации текста) вслед за М.Н.Кожинной **дискурс** можно понимать как *«речь, разновидность речи как процесс использования языка в когнитивно-речевой деятельности, фиксирующийся в текстах, опирающийся на интрадискурсивность, обусловленный экстралингвистическими факторами (идеологическими, социокультурными, историческими) и представляющий определенную общность практики людей в качестве обобщенного субъекта высказывания (особый “ментальный мир” с его “духом времени”»* [Кожина 2004: 25].

Таким образом, понятия *текст* (= *произведение*) и *дискурс* по многим параметрам совпадают. Отвлекаясь от несущественных для настоящей статьи различий этих феноменов, в дальнейшем будем употреблять обозначающие их термины в качестве синонимов.

В последнее время в лингвистической литературе наряду с дискурсом рассматривается понятие *интердискурса*. Как соотносятся эти понятия и что общего между ними и научным текстом?

По мнению М.Пешё, дискурс представляет собой некий прекоинструкт как «след в самом дискурсе предшествующих дискурсов, поставляющих своего рода “заготовку”, “сырье” для дискурсивной формации» [Серио 1999: 41. Разрядка наша. – Н.Д.]. Иначе говоря, дискурс – это одновременно и интердискурс, а именно результат интеграции многих дискурсов, соотношенных содержательно и функционально в единое целое; это некий непрерывный во времени и пространстве коммуникативный процесс интеллектуально-духовной и культурно-исторической деятельности человека, объединяющей знание о том или ином предмете действительности в единую систему ценностей (ср. с понятием интертекста, о котором речь шла выше). Как отмечает В.Е.Чернявская, «концепцию безграничного интертекста, вбирающего в себя всевозможные текстовые системы и культурные коды..., следует конкретизировать как концепцию интердискурса, интегрирующего в единую систему человеческое знание, “распределенное” во многих специальных дискурсах» [Чернявская 2001: 19].

Вместе с тем интертекст и интердискурс, по мнению некоторых исследователей, не одно и то же, особенно если интертекст осознается в узком смысле (см. выше). Так, если под интертекстом чаще всего понимается воображаемый диалог автора с предшественниками и современниками, благодаря чему активизируется общий объем памяти между коммуникантами [Фатеева 1998:

173], то интердискурс связан с переключкой в тексте разных ментальных пространств. По утверждению В.Е.Чернявской, интердискурс – это такое взаимодействие автора и интерпретатора, когда первый, «намеренно выстраивающий свое сообщение как игру – пересечение, взаимоналожение, “монтаж” нескольких дискурсивных типов, решает задачу персуазивного, в той или иной мере манипулятивного воздействия на адресата» [Чернявская 2004: 38], а сознание второго (интерпретатора) «“переключается” в иное ментальное пространство и начинает “работать” с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке... данного в тексте содержания» [Там же]. Интертекст, как намеренно маркированный диалог «своего» и «чужого», – пишет исследователь, – всегда эксплицитен, однозначно маркирован, интердискурс же – скрытое, имплицитное взаимодействие сознаний, разных ментальных миров [Там же]. При этом и интертекст и интердискурс выполняют текстообразующую функцию, являясь – каждый по-своему – особым способом создания нового смысла.

Как видно, представления об интердискурсе выходят за пределы текста как языковой структуры. Интердискурс – это нечто, сводящее в единое целое пласты (поля) разных человеческих знаний, причиной и условием объединения которых являются различные экстралингвистические факторы, и прежде всего цели и задачи общения, его тема, проблема и содержание. Не случайно, видимо, некоторые исследователи придают дискурсу (или интердискурсу) статус высшего уровня языковой системы, надстраивающегося над уровнем текста, поскольку именно дискурс/интердискурс «как новый объект языкознания фокусирует исследовательские усилия на поиск общих прототипических закономерностей текстовой фиксации коммуникативных процессов» [Там же: 38; см. также: Миловидов 2003: 88]. Интересны также попытки представить в качестве высшего уровня семиотической системы культуру, а текст – как единицу культуры. Ср.: «текст... именно в составе культуры приобретает свою полную окончательную определенность: только зная культуру, в которую включается данный текст, мы получаем возможность постигнуть его наиболее глубокие смысловые пласты» [Мурзин 1994: 169; см. также: Лотман 1994, 1999].

Разграничение понятий *интертекст* (в узком значении) и *интердискурс* представляется нам вполне оправданным. Однако для анализа целого научного текста с точки зрения динамики формирования и выражения в нем нового научного знания однозначное противопоставление дискурса и интердискурса не является

актуальным; более того, при таком подходе данные явления оказываются весьма близкими, поскольку оба зиждутся на идее о взаимодействии (и взаимопредопределенности) разных контекстов (типов, фонов, «миров») знания в процессе текстопорождающей деятельности [Данилевская 2005]. Ср. в связи с этим мысль зарубежных ученых о том, что «социокультурная функция интертекста/интердискурса заключена в реинтеграции и синтезе рассеянного знания» [Цит. по: Чернявская 2004: 41].

Так, применительно к научному тексту, анализируемому с точки зрения процесса взаимодействия (чередования) в нем старого и нового знания в процессе эвристического поиска, *интертекстуальность* реализуется посредством чередования высказываний, принадлежащих разным авторам: с одной стороны, это высказывания автора создаваемого текста, с другой – высказывания иных авторов, выступающие в речевой ткани как цитаты из предшествующих источников. Иными словами, научный текст как интертекст предстает прежде всего благодаря наличию в нем переключки авторской позиции с позицией/позициями оппонентов, т.е. благодаря диалогу между своим (новым) и чужим (старым) знанием (ср. *намеренно маркированный диалог*). В этом же смысле реализацию *интердискурсивности* научного общения можно усмотреть в особой организации смысла текста, направленной не только на формирование и выражение новой идеи, но и на активизацию ментальной работы предполагаемого читателя, а также его убеждение. Однако в рамках эвристической деятельности невозможно полностью отграничить друг от друга диалог разных знаний (своего и чужого) и диалог (в том числе скрытый) автора с читателем, поскольку оба вида диалога составляют единство коммуникативно-познавательного процесса, и без этого единства адекватное научное общение, да и само развертывание текста, просто немислимы.

Вместе с тем научный текст, рассматриваемый в аспекте становления и выражения в нем нового знания, считаем возможным понимать прежде всего как *интердискурс*. Новое как носитель объективной научной ценности формируется посредством теснейшего переплетения с объемным массивом предшествующего знания и с опорой на него, а следовательно, научный текст функционирует именно как интердискурс, вбирающий в себя широкий фонд уже имеющихся дискурсов и потому требующий от реципиента активизации работы памяти и др. ментальных операций. В этом случае научный текст как интертекст (конкретизированный как диалог между своим и чужим мнением, между авторским тек-

стом и предшествующими, а также, потенциально, и последующими) оказывается явлением более узкого порядка, входящим на правах составной части в интердискурсивность научного произведения (по принципу «часть – целое»). Объединенные в структурно-смысловом пространстве текста, эти два плана диалога знаний предполагают друг друга и составляют неразрывное единство, поскольку вместе формируют такое содержание текста, которое пригодно как для хранения и передачи научной информации, так и для функционирования в коммуникативно-познавательном акте.

Итак, целый научный текст, рассматриваемый в плане закономерностей формирования и выражения в нем нового научного знания с учетом динамики его вербального представления, а также с опорой на широкий экстралингвистический контекст познавательной деятельности, предстает, с одной стороны, как дискурс, с другой (при учете процессуальной природы формирования научных знаний вообще) – как интердискурс. Кроме того, научный текст, уточняемый как диалог исследовательских позиций (своего и чужого знания), выступает одновременно и как интертекст.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве (1924) // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 6-71.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 281-307.

Данилевская Н.В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь, 2005.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стилль: Сб. науч. статей. СПб., 2004. С. 9-33.

Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.

Лотман Ю.М. Текстовые и внетекстовые структуры // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 201-234.

Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 160-169.

Серво П. Как читают тексты во Франции. Вступительная статья // Квадратура смысла. М., 1999. С. 12-53.

Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Stylistyka VII. Opole, 1998. С. 159-178.

Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб, 2001. С. 11-22.

Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб, 1999.

Чернявская В.Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст – Дискурс – Стилль: Сб. научных статей. СПб, 2004. С. 33-41.

SCIENTIFIC TEXT IN INTERDISCOURS ASPECT

Natalya V. Danilevskaya

**Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University**

The article deals with the problem of text formation peculiarity in the sphere of scientific activity, and mainly with the question of the dynamics of new and former knowledge representation in scientific discourse. Dynamics new and former knowledge is understood as an interaction between different scientific cultures.

Key words: discourse; interdiscourse; discourse analysis; new scientific knowledge; dynamics of text; extralinguistics factors of cognition; scientific text as interdiscourse.